

HAL
open science

**Колесница в культуре населения эпохи бронзы
Центральной Монголии (по материалам из долины реки
Хойд Тамир)**

Yury Esin, Jérôme Magail, Jamiyan-Ombo Gantulga, Chimiddorj Yeruul-Erdene

► **To cite this version:**

Yury Esin, Jérôme Magail, Jamiyan-Ombo Gantulga, Chimiddorj Yeruul-Erdene. Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир). Ed. N. Yu. Smirnov; Institute for the History of Material Culture RAS. The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography, Proceedings of ИИМС RAS. Vol. LVII, , pp.600-620, 2021, Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov, 978-5-907298-22-4. <10.31600/978-5-907298-22-4.600-620>. <hal-03408133>

HAL Id: hal-03408133

<https://hal.science/hal-03408133>

Submitted on 28 Oct 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOL. LVII

THE CREATOR OF CULTURE
MATERIAL CULTURE
AND THE HUMAN SPIRITUAL SPACE
IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGY, HISTORY AND
ETHNOGRAPHY

**To the 80th anniversary
of Professor Dmitriy Glebovich Savinov**

St. Petersburg | 2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. Т. LVII

ТВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ

К 80-летию профессора
Дмитрия Глебовича Савинова

Санкт-Петербург | 2021

УДК 39, 902, 903, 904
ББК 63.3/63.4/63.5

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия: к.и.н. М. Т. Кашуба, к.и.н. А. В. Меньшиков, к.и.н. Н. Ю. Смирнов (отв. ред.),
д.и.н. О. С. Советова, д.и.н. А. В. Поляков, В. Б. Трубникова (отв. секретарь), К. В. Чугунов

Editorial board: M. T. Kashuba, Cand. of Hist. Sci.; A. V. Menshikov, Cand. of Hist. Sci.;
N. Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sci. (executive editor); O. S. Sovetova, Dr. of Hist. Sci.;
A. V. Polyakov, Dr. of Hist. Sci.; V. B. Trubnikova (executive secretary); K. V. Chugunov

Подбор иллюстраций и первичная обработка: А. Г. Акулов, Н. А. Лазаревская
Selecting and primary processing of images by A. G. Akulov and N. A. Lazarevskaya

Художественный редактор И. Н. Лицук
Art editor I. N. Litsuk

Рецензенты: д.и.н. А. Р. Канторович (МГУ), д.и.н. И. Л. Тихонов (СПбГУ)
Reviewers: A. R. Kantorovich, Dr. of Hist. Sci. (Lomonosov Moscow State University);
I. L. Tikhonov, Dr. of Hist. Sci. (St. Petersburg State University)

Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2021. — 756 с.: ил. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).

The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov / Ed. N. Yu. Smirnov; Institute for the History of Material Culture RAS. — St. Petersburg: IHMC RAS, 2021. — 756 p.: ill. (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII).

ISBN 978-5-907298-22-4

Сборник научных статей «Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии» подготовлен большим коллективом авторов — археологов, этнографов и историков науки — друзей, коллег и учеников профессора Дмитрия Глебовича Савинова — крупнейшего российского специалиста в области археологии, истории и этнографии скотоводов и кочевников Сибири и Центральной Азии. Географический состав участников сборника и хронологический охват представленных в нем материалов отражают диапазон научных интересов профессора Д. Г. Савинова, широкие человеческие и научные связи этого выдающегося ученого. Коллектив авторов и Институт истории материальной культуры РАН выпускают этот сборник в честь 80-летия профессора Д. Г. Савинова.

The collection of scientific papers “The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography” was prepared by a large collective of authors — archaeologists, ethnographers and science historians — friends, colleagues and disciples of Prof. Dmitriy Glebovich Savinov, a very prominent Russian expert in the sphere of archaeology, history and ethnography of the herders and nomads of Siberia and Central Asia. The geographic composition of the participants of the publication and the chronological scope of the materials presented in it reflects well the extremely wide range of the scientific interests of Prof. D. G. Savinov and the range of the human and scientific connections of this outstanding scholar. The collective of the authors and the Institute for the History of Material Culture RAS issue this volume in honour of the 80th anniversary of Professor D. G. Savinov.

На обложке: С. И. Сергеев «На перевале (Оваа — жилище духов гор)» из серии тувинских этюдов 1983 г.

Cover: S. I. Sergeev “At the mountain pass (Ovaa — dwelling of the mountain spirits)” from the series of Tuva etudes of 1983

ISBN 978-5-907298-22-4

DOI 10.31600/978-5-907298-22-4

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
Institute for the History of Material Culture RAS, 2021

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2021
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2021

РОЖДЕНИЕ СТИЛЯ

Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир)

Ю. Н. Есин¹, Ж. Магай², Ж.-О. Гантулга³, Ч. Еруул-Эрдене⁴

АННОТАЦИЯ. Проблема использования колесниц в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии исследована на материалах археологических памятников из одного микрорайона в долине р. Хойд Тамир. Основным источником стали изображения на скалах и каменных стелах. Рассмотрены вопросы возраста этих изображений и их принадлежности к археологическим культурам, выделенным по погребальным памятникам, предложена историческая интерпретация.

ANNOTATION. The issue of using chariots in the culture of the Bronze Age population of Central Mongolia was studied on the materials of archaeological sites from one micro-region in the Khojd Tamir river valley. Images on rocks and stone stelae became the main source. The questions of the age of these images and their belonging to archaeological cultures, identified by barrows, are considered; the historical interpretation is proposed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Монголия, поздний бронзовый век, колесница, петроглифы, оленные камни, курганы сагсайского типа, херексуры.

KEYWORDS: Mongolia, Late Bronze Age, chariot, petroglyphs, deer stones, Sagsai-type barrows, khirigsuurs.

Введение

Колесница была важной инновацией эпохи бронзы, получившей распространение во многих регионах и культурах Евразии и оказавшей влияние на историю континента (Кузьмина, 1994; Piggott, 1983; Raulwing, 2000; Wu, 2013). Среди различных проблем, связанных с изучением динамики этих процессов, актуальными остаются вопросы появления и использования колесниц на востоке степного пояса, значительную часть которого составляют горно-степные ландшафты Монголии.

В силу природных условий и особенностей исторического развития ключевым видом источ-

ников для изучения колесниц в культуре древнего населения Монголии является наскальное искусство. О времени появления здесь изображений колесниц нет единого мнения. Их относили ко II тыс. до н. э.: началу (XX–XIX вв. до н. э. — см.: Кубарев и др., 2005. С. 90; Новоженев, 2012. С. 306), ко второй половине (около XV или XIV в. до н. э. — см.: Новгородова, 1978; Кожин, 1987; Jacobson-Tepfer, 2015. P. 193) или к концу (см.: Шер, 1980. С. 212; Худяков, 2002). Для обоснования наиболее ранних датировок использовался возраст колесниц в погребениях синташтинской культуры на Южном Урале, а для более поздних — сопоставление с материалами из Южной Сибири и Китая, присутствие рисунков колесниц на оленных камнях. Эти выводы пока слабо опираются на анализ стилистических признаков самих монгольских изображений в контексте истории изобразительных традиций Монголии. Кроме того, существует проблема связи изображений колесниц с археологическими культурами, выделенными по погребальным памятникам. Одни исследования ее обходили, другие предлагали связать все колесницы с культурой херексуров и оленных камней, третьи помещали в контекст

¹ 655017, Россия, Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Адрес электронной почты: esin2006@yandex.ru.

² 98000, Монако, 56 bis Boulevard du Jardin Exotique. Музей доисторической антропологии Монако. Адрес электронной почты: jerome.magail@archeo-steppe.com.

³ 13343, Монголия, Улан-Батор, Жуковын гудамж, 77. Институт археологии Академии наук Монголии. Адрес электронной почты: ganuudg@gmail.com.

⁴ 13343, Монголия, Улан-Батор, Жуковын гудамж, 77. Институт археологии Академии наук Монголии. Адрес электронной почты: cheruulerd@yahoo.com.

предшествующих херексурам погребальных традиций, четвертые допускали их связь с разными культурами от андроновского или даже сейминско-турбинского периодов до раннего железного века включительно. Нет сомнений, что хронология и культурная принадлежность монгольских колесниц на сегодняшний день — одна из ключевых проблем, которая требует дальнейшей разработки.

Дискуссионными остаются и вопросы интерпретации изображений колесниц. Одни исследователи, рассматривая их в широком археологическом и историческом контексте, аргументируют использование в реальной жизни и военном деле (Черемисин, 2006; Худяков, 2011). Другие, изучая изобразительный и ландшафтный контекст некоторых памятников, видят в них образы мифов, возможно, связанных с погребальным обрядом (Франкфор, Якобсон, 2004. Р. 72; Кубарев и др., 2005. С. 88–89; Jacobson-Tepfer, 2012. Р. 7–9).

Изучение древнего колесного транспорта Монголии по изобразительным материалам обычно основывалось на анализе значительной серии таких рисунков и широком территориальном охвате (Новгородова, 1978; Кожин, 1987; Кубарев, 2004; Новоженев, 2012; Jacobson-Tepfer, 2012; Тэргуунбаяр, 2012). Однако возможен и иной подход — комплексное и тщательное изучение всех доступных материалов из одного небольшого района. Этот вариант имеет свои преимущества, особенно для изучения возраста и культурного контекста. Данная статья посвящена разработке этих вопросов, главным образом, в рамках второго подхода. Она выполнена на материалах небольшого участка долины р. Хойд Тамир (основной приток р. Орхон) в Центральной Монголии, где на протяжении ряда лет проводила исследования Монако-Монгольская археологическая экспедиция. В рамках современного административного деления этот участок долины находится на территории Ихтамир сума в аймаке Архангай Монголии. Материалы включают петроглифы на скалах, курганные могильники и стелы с ритуальными площадками в местности Хуруугийн Узуур и вблизи от нее — от горы Алтансандал до местности Шивэртийн Ам (рис. 1). Судя по количеству открытых археологических памятников, в эпоху бронзы в долине р. Хойд Тамир были благоприятные условия для ведения скотоводческого хозяйства. Рельеф долины вполне подходил для использования колесного транспорта. Повозки с воловьей и лошадиной запряжкой можно встретить здесь и сегодня.

РИС. 1. Местность Хуруугийн Узуур в долине р. Хойд Тамир на карте Монголии

FIG. 1. Locality of Khuruugiin Uzuur in the valley of the Khoiud Tamir River in the map of Mongolia

Основные цели данной статьи связаны с изучением возраста изобразительных свидетельств использования колесниц, их принадлежности к археологическим культурам и роли колесниц в жизни скотоводов эпохи бронзы Центральной Монголии. Они достигаются через последовательное решение нескольких задач: а) анализ материалов по колесному транспорту с р. Хойд Тамир в контексте исторических типов конструкции колесного транспорта и приемов его изображения на плоскости; б) изучение места и относительной хронологии таких изображений на р. Хойд Тамир в контексте истории изобразительных стилей данной местности; в) определение места и абсолютной хронологии этих материалов в контексте изученных здесь типов погребальных памятников; г) изучение роли колесниц в жизни скотоводов через анализ в контексте изобразительных композиций.

Колесница на скалах Хуруугийн Узуур и ее характеристики

Краткое описание памятника и изображения

Петроглифы Хуруугийн Узуур расположены на скальных выходах и отдельных валунах на нескольких невысоких сопках вдоль северного берега р. Хойд Тамир. Они открыты уже давно, но их документирование и изучение продолжают (Волков, Гришин, 1970; Дорж, Новгородова, 1975; Есин и др., 2012; Гантулга и др., 2018). На этом памятнике найдено лишь одно, но довольно информативное изображение колесницы. Оно нанесено в технике выбивки и прочерчивания на участке 8 на вертикальной (с небольшим отрицательным уклоном) скальной плоскости, обращенной на запад (рис. 2).

РИС. 2. Хуруугийн Узуур, плоскость с колесницей (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 2. Khuruugiin Uzuur, plane with a chariot (drawing by Yu. N. Esin)

В контексте ландшафта колесница ориентирована на кузовом к вершине сопки, а дышлом — к долине реки; изображение освещается во второй половине дня.

Как любое изображение колесного транспорта, его можно охарактеризовать по трем группам признаков:

1. *Полнота показа транспортного средства.* Изображены платформа кузова, колесная ось с двумя колесами, передний борт кузова, дышло с переключателем ярма, две впряженные лошади, колесничий в кузове; упряжь не изображена или не сохранилась.

2. *Способ проецирования на плоскость отдельных частей.* Платформа кузова, дышло, переключатель ярма и колесная ось показаны в проекции сверху. Передний борт кузова и колесничий изображены в проекции спереди, и эта проекция соединена с задней частью платформы кузова. Колеса и лошади — в проекции сбоку, но плоскость проекции развернута на 90° (лошади спинами к дышлу) (рис. 3).

3. *Морфологические особенности.* Для некоторых частей устройства они же конструктивные, для других — лишь стилистические. Здесь стоит отметить овальную форму основания кузова, раздвоенный конец одинарной линии дышла под ним, подпрямоугольную форму проекции борта. Переключатель ярма — короткая, ярма-рогатки не показаны. Колеса изображены очень схематично — без ступицы и спиц, либо эти детали были прорисованы неглубоко и не сохранились. У лошадей прямыми, перпендикулярными туловищу линиями показано по две ноги. Ширина линий, обозначающих голову, шею и туловище, лишь не-

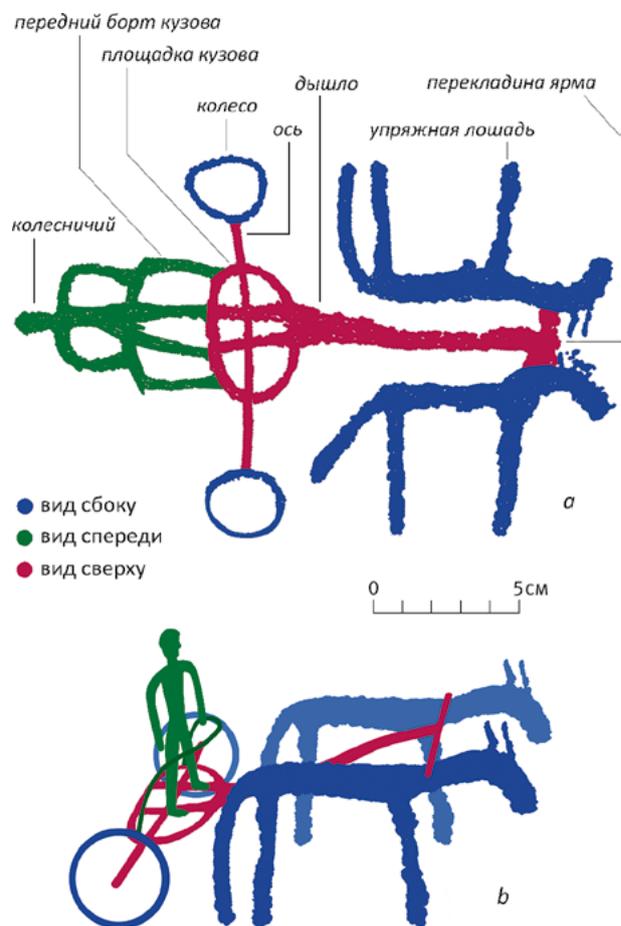

РИС. 3. Изображение колесницы Хуруугийн Узуур с объяснением имеющихся проекций (a) и реконструкцией позиции тех же элементов у действующего устройства в современной системе визуальной перспективы (b) (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 3. Representation of a chariot from Khuruugiin Uzuur with interpretation of the projections (a) and reconstruction of the position of the same elements at a working device in the modern system of visual perspective (b) (drawing by Yu. N. Esin)

много больше, чем у ног и хвоста. Также схематично показана фигура стоящего мужчины (возможно, в головном уборе) с двумя опущенными вниз руками.

Конструкция

Совокупность морфологических признаков повозки позволяет описать ее как классическую легкую одноместную колесницу с дышлом в виде одинарной жерди, одной колесной осью и двумя упряжными лошадьми. Хотя на колесах не зафиксированы типичные для колесниц спицы, это не является достаточным основанием считать, что здесь показаны массивные дисковые колеса.

С точки зрения базовых технических решений колесница Хуруугийн Узуур принадлежит к технологической традиции с дышлом из одинарной жерди, что четко обособляет ее от двух других традиций, использовавших две оглобли или дышло из

двух соединенных под углом жердей («А-образное»). Впервые колесницы такой конструкции фиксируются около начала II тыс. до н. э. в захоронениях скотоводов вблизи условной границы западной (европейской) и центральной частей степного пояса (Чечушков, 2011. Рис. 1), а затем получают широкое распространение, достигая к середине XIII в. до н. э. на востоке государства Шан на Центральной равнине Китая (Piggott, 1978; Shaughnessy, 1988; Wu, 2013). Особенностью дышла колесницы Хуруугийн Узуур является раздвоенная задняя часть. Видимо, она помогала обеспечить кузову большую прочность и устойчивость. Дышло такой редкой формы известно среди наскальных изображений колесниц эпохи бронзы Тувы и, возможно, Тянь-Шаня (рис. 4, 1с); оно могло быть изготовлено из ствола дерева с естественной развилкой (Дэвлет, 1998. С. 184, рис. 14, 1). Стоит также отметить, что форма площадки кузова

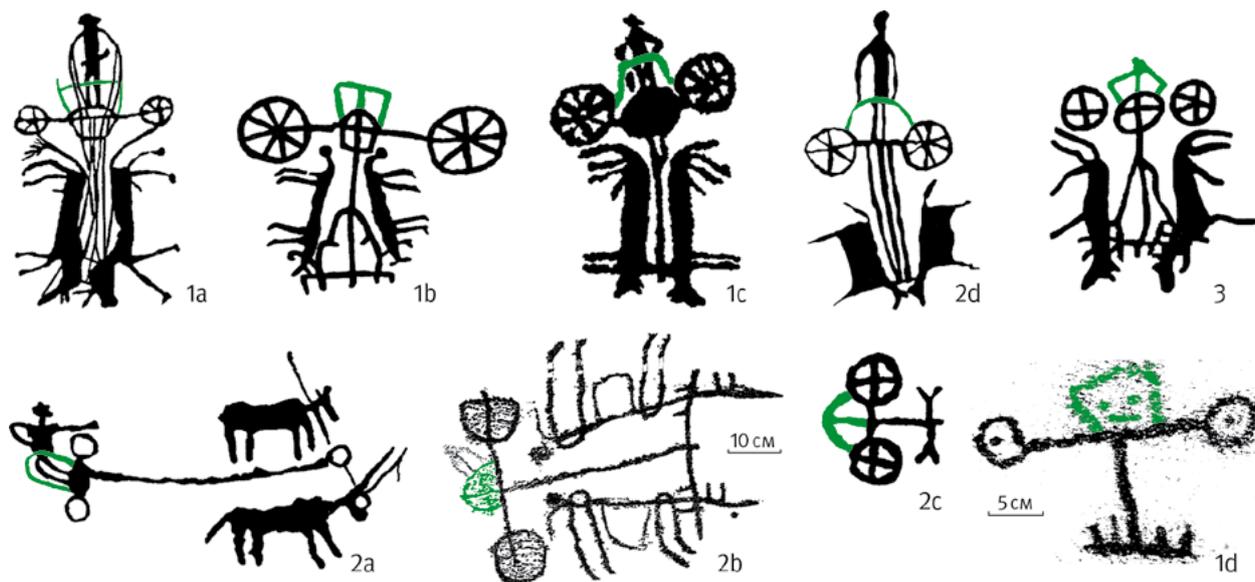

РИС. 4. Основные типы и варианты фронтальной проекции переднего борта колесницы (выделена зеленым цветом): 1 – подпрямоугольной формы, 2 – дугообразной формы, 3 – углообразной формы; 1a – Северо-Западная Монголия, Хар-Салаа VI (по: Кубарев, 2009. Рис. 612); 1b, 2c – Тува, Алды-Мозага и Мугур-Саргол (по: Дэвлет, 1998. Рис. 14, 2, 11); 1c, 2a – Тянь-Шань, Саймалы-Таш (по: Мартынов и др., 1992. Рис. 87; 75); 1d – Казахский Алтай, Акбаур (рисунок Ю. Н. Есина); 2b – Минусинская котловина, Суханиха (рисунок Ю. Н. Есина); 2d – Российский Алтай, Елангаш (по: Окладников и др., 1979. Табл. 52, 5); 3 – Центральная Монголия, Чулуут (по: Тэрзуунбаяр, 2012. Зур. 6). 1d – роспись красной краской, остальное – петроглифы. Масштаб разный

FIG. 4. Main types and variants of the frontal projection of the front side of a chariot (marked with green colour): 1 – sub-rectangular, 2 – arched, 3 – angled; 1a – North-Western Mongolia, Khar-Salaa VI (after Кубарев, 2009. Рис. 612); 1b, 2c – Tuva, Aldy-Mozaga and Mugur-Sargol (after Дэвлет, 1998. Рис. 14, 2, 11); 1c, 2a – Tien Shan, Saymaly-Tash (after Мартынов и др., 1992. Рис. 87; 75); 1d – Kazakh Altay, Akbaur (drawing by Yu. N. Esin); 2b – Minusinsk Depression, Sukhanikha (drawing by Yu. N. Esin); 2d – Russian Altay, Elangash (after Окладников и др., 1979. Табл. 52, 5); 3 – Central Mongolia, Chuluut (after Тэрзуунбаяр, 2012. Зур. 6). 1d – painting in red, the rest – petroglyphs. Scale varies

близка к овалу, но передняя сторона выгнута немного сильнее. Эта форма сопоставима с кузовом реальной колесницы из могильника Цяобэй — одной из наиболее ранних колесниц, найденных в погребениях периода поздней Шан (Wu, 2013. Fig. 1.3).

Изображение борта колесницы, показанного в проекции спереди, ранее еще не было идентифицировано среди петроглифов степного пояса, поэтому эта деталь заслуживает дополнительного внимания. По форме можно выделить три основных его типа: подпрямоугольный, дугообразный, углообразный (рис. 4). Часто в середине такой фигуры показана вертикальная стойка, закрепленная над дышлом (рис. 4, 1b, 2b, 2c, 3). Иногда внутренняя часть фигуры заполнена выбивкой, которая может передавать решетчатую (рис. 4, 2b) или полностью закрытую (Кубарев, 2009. Рис. 1159) стенку. В одном случае в середине подпрямоугольной фигуры за колесной осью изображен антропоморфный лик, видимо, воспроизводящий оформление лицевой стороны борта (рис. 4, 1d).

Можно выделить два способа показа переднего борта колесниц: 1) изображение борта сочетается с площадкой кузова в проекции сверху и расположено позади нее, как на изображении из Хуруугийн Узуур (рис. 4, 1a–1c, 2a, 3); 2) изображение борта расположено позади колесной оси, а площадка кузова в проекции сверху не показана (рис. 4, 1d, 2b–2d). В обоих случаях борт может соединяться с остальным изображением одним из двух способов: а) нижняя часть борта упирается в площадку кузова: площадка в проекции сверху (рис. 4, 1a, 1b, 2a, 3), площадка в проекции спереди (рис. 4, 1d, 2b); б) боковые части борта упираются в колеса и дополняют его фронтальную проекцию видом сбоку (рис. 4, 1c, 2c, 2d).

Верхний край борта колесницы из Хуруугийн Узуур изображен немного ниже пояса возничего. Такая высота борта кузова была типична для многих колесниц II тыс. до н. э., о чем можно судить по реальным колесницам, их изображениям в проекции сбоку и бронзовым моделям из Восточного Средиземноморья, Кавказа и ранним колесницам из Китая. В то же время колесница из Цяобэй и другие китайские колесницы демонстрируют существенное нововведение — обособленный от борта поручень на высоких стойках, на который мог опираться колесничий. В дальнейшем это позволило снизить высоту самого борта у колесниц этого региона.

Стилистические признаки, их иерархия и историческая интерпретация

Изображение из Хуруугийн Узуур связано с одним из двух основных способов передачи колесных повозок на плоской поверхности, которые использовались в древности, — с видом в плане (Bussagli, 1955; Piggott, 1983: 78; Francfort, 2002; Есин, 2009. С. 59, рис. 14). В рамках такого способа существовало, однако, несколько особых изобразительных традиций, формирование, распространение, трансформация и ареалы которых определялись историческими и культурными процессами. Первая из них появилась в IV тыс. до н. э. в Европе. Для нее было характерно последовательное использование проекции сверху для всех элементов транспортного средства, включая кузов, тягловых животных и в ряде случаев колес (Цюшен в Германии, Каменная могила на Украине, некоторые изображения на Кавказе и в Альпах). Изображение из Хуруугийн Узуур принадлежит к другой традиции, сочетающей вид сверху для кузова с иными проекциями для других частей повозки. Она сформировалась во II тыс. до н. э. в степном поясе Евразии и связана с появлением нового вида колесного транспорта — колесницы.

Разные признаки изображений этой второй традиции имеют разную частотность употребления и географию распространения в Евразии. Одни из них очень устойчивы и широко распространены, другие — более редкие и локальные. Как и в случае с другими культурными явлениями, за этими различиями в изображении, несомненно, стоят процессы развития этой традиции во времени и пространстве. К числу наиболее типичных признаков, получивших в эпоху бронзы распространение по всему степному поясу Евразии и даже за его пределами, принадлежат кузов в проекции сверху с одной колесной осью и дышлом в виде одинарной жерди, парой упряжных лошадей и колес в проекции сбоку. Наиболее непротиворечивая гипотеза, способная объяснить широту ареала и устойчивость этого сочетания признаков в разных по культуре и языку регионах, заключается в том, что образ колесницы в искусстве являлся новой для них темой и распространялся вместе с самой колесницей и выработанными базовыми правилами ее изображения.

Эти правила с высокой вероятностью могли иметь истоки в центральной части степного пояса в погребальных обрядах элиты андроновской (в широком смысле) традиции начала II тыс. до н. э.,

которые включали использование колесницы и лошадей и их последующее захоронение (в той или иной форме). При этом наиболее близки им захоронения не синташтинской культуры, к которым обычно обращаются как сторонники, так и противники такого сравнения (Francfort, 2002. P. 86), а более поздние и более восточные памятники, содержащие полные парные скелеты лошадей на боку, хотя деревянные части колесниц там почти всегда не могли сохраниться (Кузьмина, 2011. Рис. 11, 2; Ткачев, 2002. Рис. 52; Кукушкин, Дмитриев, 2019. Рис. 2). Частично разобранный повозка с забитыми и уложенными на бок упряжными лошадьми для проведения обряда прощания с умершим высокого социального статуса, отправляющимся в иной мир, вполне могла послужить образцом при выработке базового набора правил изображения степных колесниц на плоскости. Кроме того, прагматика хотя бы части самих изображений (цель их создания, социальное значение) какое-то время могла сохранять связь с погребальным обрядом, что дополнительно способствовало закреплению данного способа показа объекта.

Связь изображений колесниц с погребальной практикой могла бы также объяснить выбор некоторых проекций и решений в Хуруугийн Узуур. В этом случае положение колесничего может передавать образ не только стоящего в кузове, как при жизни, но и лежащего на спине человека, поверх которого уложен снятый с кузова передний борт, рядом — снятые с оси и уложенные на землю колеса, а по бокам дышла — пара забитых лошадей. Равная возможность двух противоположных объяснений, видимо, не случайность. Скорее, это намеренно используемый и многократно тиражируемый на скалах прием, отражающий двойственность статуса умершего, находящегося в стадии перехода к посмертному существованию.

В отличие от признаков предыдущей группы, полная фигура колесничего анфас⁵ и контур переднего борта кузова распространены не столь широко. Вместе или по отдельности они представлены в основном, лишь среди наскальных изображений

колесниц Центральной и Западной Монголии, Российского Алтая и Тувы (Новгородова, 1984. Рис. 19, 2; Окладников и др., 1979. Табл. 52, 5; Дэвлет, 1998. Рис. 14, 2; Кубарев, 2004. Табл. VII, 8; IX, 3, 4, 18; Черемисин, 2006. Рис. 6; Jacobson-Tepfer, 2012. Fig. 1b, 1c, 12; Килуновская и др., 2020. Рис. 15, 1). Их ареал, видимо, очерчивает определенную культурно-историческую область. Единичные и своеобразные изображения колесничего с бортом имеются в Кыргызстане (рис. 4, 1с, 2а). Несколько шире распространены изображения фигуры колесничего анфас без борта, связывая традиции Монголии и юга Сибири со степями Казахстана (Кадырбаев, Марьяшев, 2007. Рис. 20, 1, 2; Байпаков, Марьяшев, 2008. Фото 75; Самашев, 2018. Рис. 47; 236; 430).

В свою очередь, в рамках серии колесниц восточных степей с бортом и человеком в кузове несколькими стилистическими вариантами представлены изображения упряжных лошадей. Очевидно, что в отличие от наиболее общих и устойчивых правил изображения колесницы в целом, стилистика изображения животных следовала предшествующим традициям отдельных групп населения. В связи с этим, именно стиль животных наиболее показателен для изучения многих вопросов, связанных с распространением этого вида транспорта. Ему следует уделить специальное внимание.

Схематичный стиль изображения лошадей колесницы из Хуруугийн Узуур можно условно назвать линейным, т. к. все элементы фигур приближаются по форме к простым линиям, хотя туловище может быть более объемным. Стоит отметить, что в том же схематичном стиле изображены и колесничий. Среди запряженных в колесницы изображений лошадей на скалах Монголии лишь часть показана в таком стиле. Довольно близкие изображения известны из долины соседней р. Чулуут (Новгородова, 1989. С. 154, 157) и представлены в ряде памятников южной и юго-западной Монголии. Образы лошадей в линейном стиле в истории наскального искусства эпохи бронзы долины р. Хойд Тамир требуют специального рассмотрения.

Упряжные лошади в контексте изобразительных традиций эпохи бронзы долины Хойд Тамир

Проведенное изучение изображений на скалах, отдельных камнях и стелах в долине р. Хойд Тамир, их стратиграфии и археологического контекста позволяет выделить основные стили изображения

⁵ Можно выделить два ключевых и наиболее общих признака для классификации изображений колесничих на скалах внутренних горно-степных районов Евразии, отражающих принадлежность к разным ареалам и культурным группам: а) по расположению относительно колесницы — рядом или в кузове; б) по типу проекции — вид сбоку или анфас. Признаки следующего уровня связаны с согнутой или прямой спиной, положением рук, наличием тех или иных атрибутов и другими особенностями.

лошадей эпохи бронзы и построить их относительную хронологию:

1. Древнейший пласт наскальных изображений этого района представлен группой относительно реалистичных фигур животных. Образ лошади является среди них одним из наиболее типичных (рис. 5, 1–6). Ранние рисунки в рамках данной традиции отличаются массивным туловищем с двумя ногами и дугообразно очерченным животом; как правило, обозначена грива, а у головы – фигурный контур. Техника нанесения рисунков – гравировка по контуру либо гравировка в сочетании с неглубоким выскабливанием по силуэту. Второй вариант позволял получить рисунки хорошо заметные на темно-коричневом фоне поверхности камней. Однако к настоящему времени под влиянием длительного «загара» их цвет уже почти не отличается от цвета камня, что затрудняет обнаружение. Появление данной изобразительной традиции в долине р. Хойд Тамир, вероятно, произошло в III тыс. до н. э. и может быть связано с афанасьевской культурой (Есин и др., 2012). Погребения афанасьевской культуры являются древнейшими курганными захоронениями в этой долине, но радиоуглеродных дат для них, к сожалению, пока нет. Ближайшее датированное погребение – Шатар Чулуу в соседнем аймаке Баянхонгор – имеет возраст около 3090–2920 лет до н. э. (2σ) (Rogers et al., 2019, Fig. 2). Не исключено, что наиболее поздние образцы изображений, связанные с этой изобразительной традицией, могли создаваться вплоть до начала II тыс. до н. э., хотя хронологические границы нуждаются в дальнейшем уточнении.

2. Несколько позже ранней группы, возможно, началом II тыс. до н. э. должен датироваться более схематичный рисунок лошади с поджарым туловищем (рис. 5, 7). При этом он выполнен в той же технике выскабливания и, видимо, сохраняет определенные связи с предыдущей традицией.

3. К следующему периоду эпохи бронзы можно отнести серию довольно разных по стилистическим признакам изображений лошадей, которые должны быть разделены на несколько групп. Всем им присущ определенный схематизм, однако способ и степень его реализации различны. Первая и самая крупная группа изображений принадлежит к наиболее реалистичным из них (рис. 5, 8, 9). Они выделяются объемным туловищем и шеей. Для многих лошадей этой группы характерна несколько преувеличенная, вытянутая вперед и вверх шея. Вторая группа значительно меньше по количеству

фигур и характеризуется максимальным схематизмом (рис. 5, 10, 11). Выше мы уже назвали этот стиль линейным. Палимпсестов изображений этих двух групп между собой не выявлено: обычно они находятся на разных плоскостях, а когда соседствуют, то не перекрывают друг друга. Например, такие рисунки выбиты в нижней части плоскости с колесницей. Можно предполагать их существование в один период времени и взаимовлияние. Другие группы представлены единичными изображениями (рис. 5, 12, 13; 6, 4, 5). Если рассматривать все эти стилистические группы с точки зрения возможной преемственности с более древними изображениями данного района, то какими-то связями с ними могла обладать лишь первая группа, для остальных такие истоки определенно следует исключить.

4. К завершающему периоду эпохи бронзы в долине р. Хойд Тамир принадлежит изобразительная традиция, связанная с оленными камнями монголо-забайкальского типа (рис. 5, 14–19). Изображения лошадей этой традиции отличает объемное, но поджарое туловище с выделенным бедром задней ноги и вытянутой вверх и вперед шеей; иногда верхняя часть туловища и шея выделены выбивкой, видимо, для акцентования внимания на разном цвете шкуры на спине и животе; как правило, показаны только две ноги, которые слегка согнуты в суставах и вытянуты вниз или подогнуты под туловище; голова обычно с фигурным контуром, часто показаны глаз и открытый рот, сверху два вертикальных уха; хвост короткий, дугообразно изогнутый назад и вниз.

Относительный возраст изображений в линейном стиле подтверждают случаи прямой стратиграфии. В этом отношении важна одна из плоскостей Хуруугийн Узуур (участок 19, обращена к небу), где животные в линейном стиле (лошадь и волк) изображены позднее, чем нанесенная процарапанными линиями фигура массивного козла головой влево (в средней части плоскости, сохранилась очень плохо), которая принадлежит к раннему пласту изображений Хуруугийн Узуур (рис. 6, 1–3). Несколько позже фигур в линейном стиле нанесен рисунок лошади с более объемным туловищем и длинной, вытянутой вверх шеей, который размещен между ними (рис. 6, 4). Все эти рисунки затем перекрыты фигурами козлов и барана (рис. 6, 6–8), имеющих единый стиль с животными на оленных камнях вблизи Хуруугийн Узуур (Гантулга и др., 2016, № 20, 87).

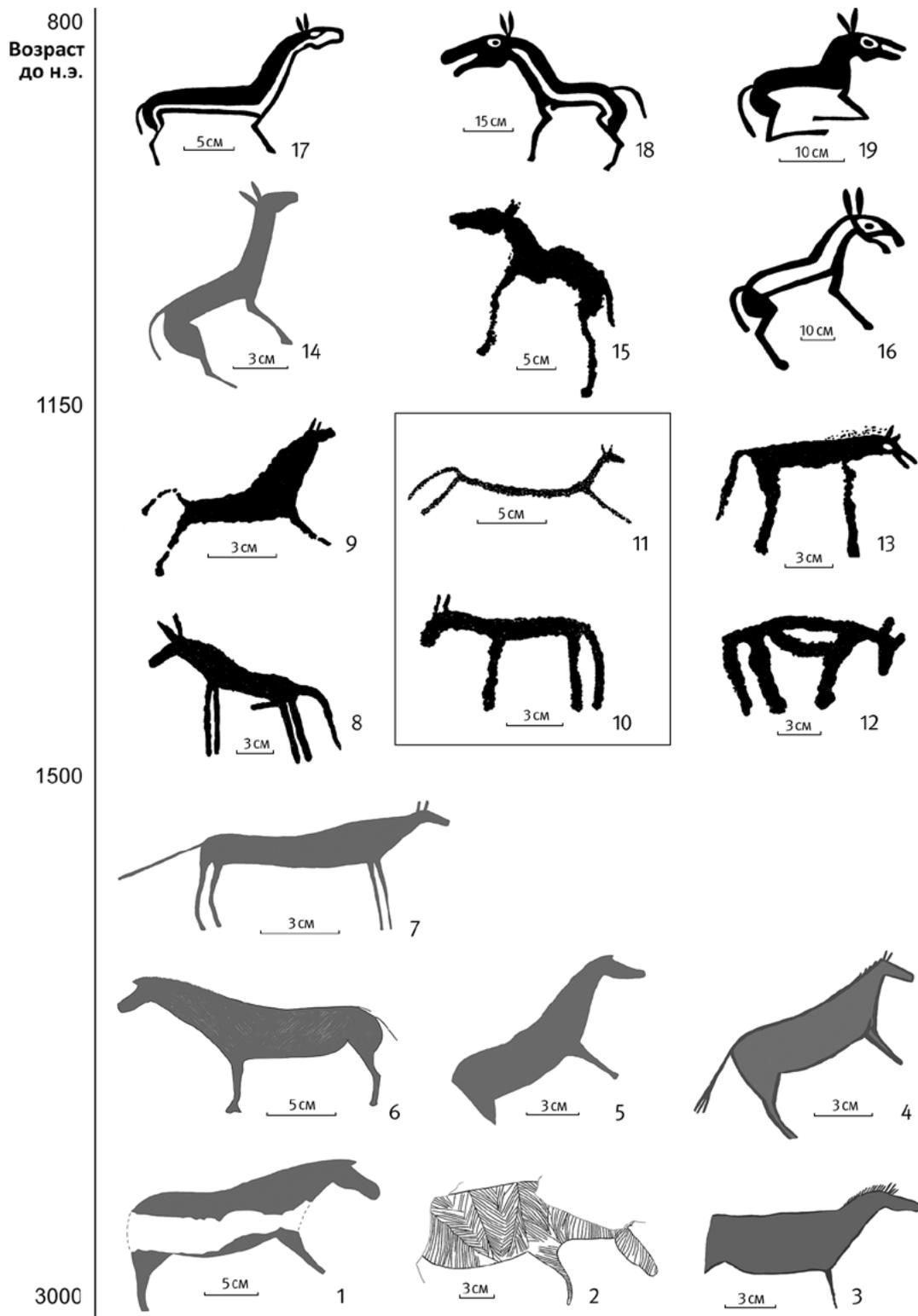

РИС. 5. Относительная хронология и предполагаемый возраст основных стилистических вариантов изображений лошади в наскальном искусстве эпохи бронзы долины р. Хойд Тамир: 1-15 – Хуруугийн Узуур, изображения на скалах и из кургана 128; 16-19 – оленные камни 38, 4, 49, 36 (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 5. Relative chronology and presumed age of the major stylistic variants of horse representations in the rock art of the Bronze Age in the Khoyd Tamir River valley: 1-15 – Khuruugiin Uzuur, representations on the rocks and in barrow 128; 16-19 – deer stones 38, 4, 49, 36 (drawing by Yu. N. Esin)

РИС. 6. Хуруугийн Узуур, стратиграфия петроглифов эпохи бронзы (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 6. Khuruugiin Uzuur, stratigraphy of petroglyphs of the Bronze Age (drawing by Yu. N. Esin)

Ту же верхнюю хронологическую границу для линейного стиля подтверждает крупная фигура оленя, выбитая поверх нижней части колесницы Хуруугийн Узуур (рис. 2, 12). Олень изображен без рогов, над его головой имеется контурная окружность. Узкая вытянутая («клювовидная») морда

и другие стилистические признаки аналогичны изображениям животных этого вида на стелах монголо-забайкальского типа. Таким образом, стратиграфия изображений и существенные стилистические отличия свидетельствуют, что изображения в линейном стиле на скалах долины р. Хойд Тамир предшествуют периоду распространения оленних камней и принадлежат к иной традиции.

Возраст и археологический контекст колесницы Хуруугийн Узуур

Серия радиоуглеродных дат, полученных по костям лошадей из жертвенников возле пяти оленних камней в долине Хойд Тамир (Гантулга и др., 2016. Зур. 18–23; Zazzo et al., 2019. P. 91), ограничивает основной период создания этих стел периодом XII–IX вв. до н. э. Древнейшие оленних камни с новым изобразительным стилем животных вряд ли получили здесь распространение ранее второй половины XII в. до н. э. Эта дата должна рассматриваться как верхний рубеж существования линейного стиля в местном наскальном искусстве, с которым связано изображение колесницы.

Еще большую ясность в вопрос о возрасте и культурной принадлежности изображений в линейном стиле в долине р. Хойд Тамир позволяет внести находка в одном из курганов могильника, расположенного у подножия той возвышенности, на которой находятся описанные выше петроглифы. В 2012 г. при раскопках кургана 128 могильника Хуруугийн Узуур был обнаружен каменный блок с изображениями животных и человека в линейном стиле. Захоронение совершено в узкой и немного углубленной относительно уровня древнего горизонта яме, обложенной крупными кусками скалы, образующими гробницу. Гробница перекрыта несколькими крупными камнями. Тело погребенной женщины (возраст около 30 лет, рост $144,4 \pm 3,8$ см, монголоидный фенотип) в гробнице было положено на левом боку вполоборота головой на запад; ноги вытянуты и лишь слегка согнуты в коленях, левая рука вытянута вдоль туловища, а правая находилась поверх тела; череп (кроме нижней челюсти) на своем месте отсутствовал и находился в восточной части гробницы поверх голени (видимо, перемещен сурками, как и ряд других костей). Вокруг погребения сооружена круглая ограда (крепида) диаметром около 7,3 м из крупных каменных блоков с четырьмя немного более высокими камнями на противоположных сторонах. Внутри ограда полностью заложена камнями (рис. 7).

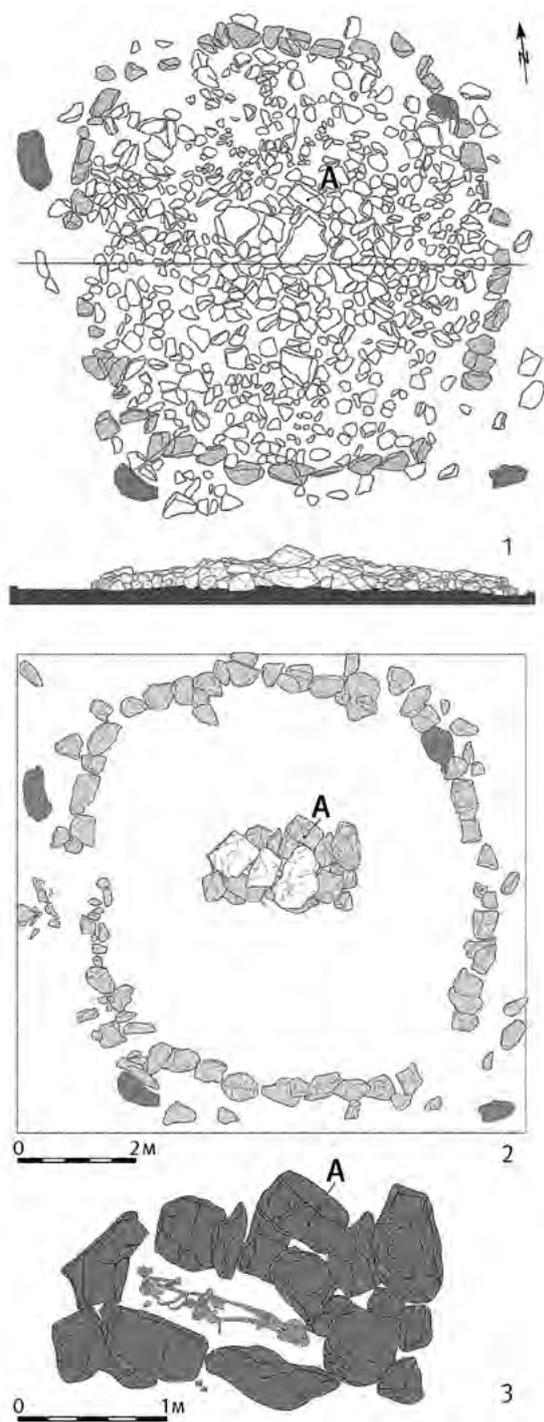

РИС. 7. Хуруугийн Узуур, курган 128: 1 – после расчистки насыпи; 2 – после удаления насыпи; 3 – погребение; А – каменный блок с изображениями (материалы Монако-Монгольской экспедиции)

FIG. 7. Khuruugiin Uzuur, barrow 128: 1 – after clearing of the mound; 2 – after excavation of the mound; 3 – burial; A – stone block with representations (materials of the Monaco-Mongolian joint archaeological expedition)

Изображения нанесены на одну из широких сторон каменного блока из песчаника размером $57 \times 54 \times 27$ см. Блок с рисунками был намеренно поставлен на узкую грань у середины северной стенки каменной гробницы. Плоскость с изображениями была обращена внутрь гробницы (на юго-запад). Когда гробница была закрыта плитами, а курган заложен камнями, основная часть изображений на блоке была скрыта в насыпи, а на поверхность выступал лишь край плоскости (рис. 8). Следовательно, рисунки не могли быть нанесены после сооружения кургана.

Всего на блоке изображено восемь фигур: одна антропоморфная мужская (судя по признаку пола), шесть фигур лошадей (судя по форме хвоста) и одна фигура оленя (судя по форме рогов и хвоста). Изображения животных выполнены неглубокой выбивкой, изображение антропоморфной фигуры – выбивкой в сочетании со шлифовкой. Изображения на краю плоскости, оказавшиеся возле поверхности насыпи, сохранились хуже: голова одного животного этой части плоскости уничтожена лишайником (рис. 8, 2). Все образы на блоке показаны схематично, принадлежат к одной изобразительной традиции, но различаются некоторыми нюансами. Олень и пять лошадей чуть позади него выстроены в ряд и показаны движущимися в одну сторону; позади них располагается мужская фигура, а перед ними одна лошадь, которая обращена головой туда же, куда и мужчина.

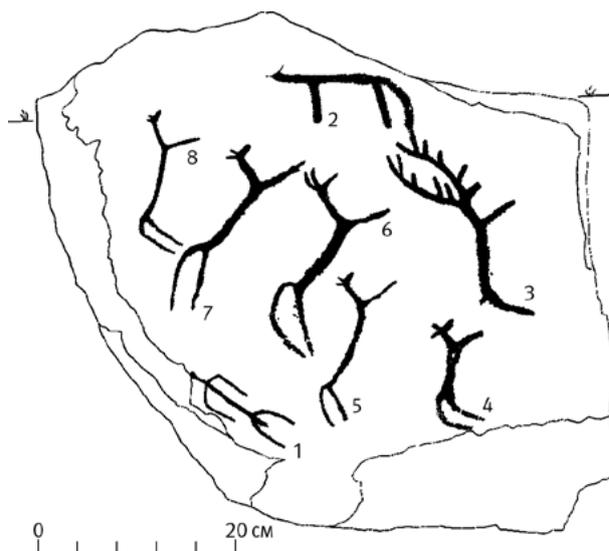

РИС. 8. Хуруугийн Узуур, изображение на каменном блоке из кургана 128 (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 8. Khuruugiin Uzuur, representation on a stone block from barrow 128 (drawing by Yu. N. Esin)

По костям из погребения получена радиоуглеродная дата (Beta-389398; 2980 ± 30 BP), которая с учетом калибровки определяет возраст кургана периодом 1280–1115 лет до н. э. (2 σ ; IntCal13). Всего в данном микрорайоне экспедицией раскопано шесть захоронений подобного типа как с круглой, так и с квадратной оградой. По найденным в них человеческим костям получено шесть дат, которые с учетом калибровки охватывают период XV–XI вв. до н. э. (табл. 1). Основное время сооружения таких погребений выпадает на XIV–XII вв. до н. э. (четыре погребения). Следовательно, лишь на позднем этапе эта погребальная традиция некоторое время могла сосуществовать с ранними оленными камнями и херексурами долины р. Хойд Тамир.

Захоронения, подобные кургану 128, в работах исследователей разных научных школ и групп имеют различные названия: погребения монгунтайгинского типа (Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010), херексуры классов II и III (Frohlich, 2006; Frohlich et al., 2008), погребения на склонах (Houle, 2010. P. 14), курганы с четырьмя угловыми камнями (Гантулга, 2014. С. 33) или курганы типа Хяр Хараач (Miyamoto, 2017), погребения типа Сагсай (Төрбат, 2014. Т. 12, 17). Лишь недавно в монгольской архео-

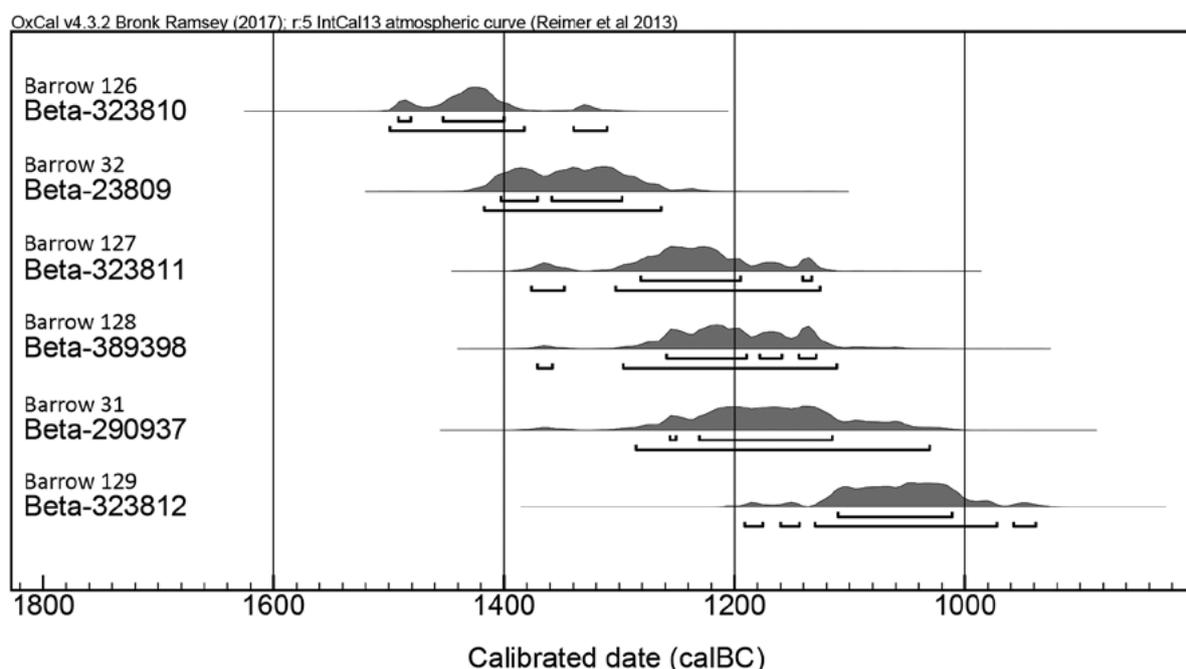
логии закрепилось последнее из них. Такие курганы распространены на территории не только Центральной, но и Западной Монголии, а также на приграничных территориях Южной и Восточной Сибири. Радиоуглеродный возраст других подобных монгольских погребений в целом совпадает с периодом, определенным для долины р. Хойд Тамир (Taylor et al., 2019. Fig. 4).

Дискуссионным вопросом является археологическая и историческая интерпретация этой группы захоронений: одни исследователи выделяют ее в особую культурную общность позднего бронзового века, другие объединяют в один комплекс с херексурами и оленными камнями. Для решения этой проблемы необходимо учесть значительные различия между двумя этими группами погребений по конструкции, положению умерших и хронологии.

Конструкция. У захоронений сагсайского типа ограда образует внешний край курганной насыпи (крепида), тогда как у херексуров между оградой и курганной насыпью имеется свободное пространство; помимо этого, у вторых за оградой регулярно расположены дополнительные ритуальные объекты, которых нет у первых.

Таблица 1. Калиброванные радиоуглеродные даты (с 68,2 % и 95,4 % вероятности), полученные по костям человека из курганов типа Сагсай в долине р. Хойд-Тамир

Table 1. Calibrated radiocarbon dates (with 68.2 % and 95.4 % probability ranges) obtained from human bones from barrows of the Sagsay type in the Khoyd Tamir River valley

Положение умерших. На боку вполоборота у первых, вытянуто на спине у вторых. Наиболее полное представление о положении умершего в херексурах этого района дает непотревоженная гробница неподалеку на р. Орхон (*Ėnkhtör et al.*, 2018. Fig. 7, 5).

Хронология. В некоторых исследованиях начало культуры херексуров и оленных камней датируется временем появления курганов сагсайского типа. Однако в ряде случаев такая ранняя дата херексуров, несомненно, связана с уже отмеченными выше различиями в классификациях и терминах исследователей разных памятников. В частности, серия курганов, аналогичных по конструкции кургану 128, была включена в одну группу с херексурами в аймаке Ховсгол (*Frohlich et al.*, 2008; *Taylor et al.*, 2017. Fig. 4; *Jeong et al.*, 2018. Fig. S2: *Khuvsgul aimag burial mounds* 3, 9, 10, 17, 18, 22–25, 55). Недавняя уточненная и детализированная база радиоуглеродных дат для всей Монголии показывает, что курганы типа Сагсай предшествуют появлению оленных камней, сопутствующих херексурам жертвенников и основной части погребений в херексурах (*Taylor et al.*, 2019. Fig. 4). Хотя есть несколько радиоуглеродных дат для захоронений в херексурах из Гоби, которые относятся к XIV в. до н. э. (Там же. Fig. 5G), они выглядят исключением из общего правила и требуют отдельного изучения.

Учитывая все эти отличия курганов сагсайского типа от херексуров и то, что периоды их существования совпадают лишь частично, мы полагаем, что они представляют захоронения иной культурной общности эпохи бронзы. Продемонстрированные выше различия в изобразительных традициях, которые ранее не учитывались, служат еще одним аргументом в пользу такого вывода.

Колесницы в период херексуров и оленных камней

Среди наскальных изображений долины Хойд Тамир, созданных в период херексуров и оленных камней, колесницы пока не зафиксированы. Тем не менее, здесь имеется ряд изображений, прямо или косвенно связанных с образом этого транспортного средства. Например, с ним связаны самостоятельные рисунки в форме колеса. Ранее они были ошибочно отнесены к числу средневековых тамг (так же как изображения типичных для оленных камней ушных колец) (*Гантулга и др.*, 2018. С. 67, рис. 580; 712). В одном случае такое колесо с четырь-

мя спицами выбито относительно одновременно с фигурой лошади, форма головы, туловища и ног которой позволяет отнести ее к культурной общности херексуров и оленных камней Центральной Монголии (рис. 9, 1). Изображения в форме колеса со спицами известны и на оленных камнях (*Баярсайхан*, 2017. Зур. 35, 2; *Төрбат*, 2018. № 730, 802). Очевидно, такое «колесо» изображалось не как часть колесницы, а играло самостоятельную роль. Его значение может быть связано с метафорическими отождествлениями колеса в культуре. Раскрыть это значение позволяет другой рисунок Хуруугийн Узуур, где от аналогичного колеса отходят 12 лучей (рис. 9, 2), что позволяет сопоставлять его с образом солнца, природной цикличностью и календарными представлениями. Подобные идеи и сопоставление солнца с колесом у скотоводов того времени были распространены довольно широко (*Есин*, 2013. С. 76).

Более информативным источником, подтверждающим использование колесниц в это время, являются оленные камни. В частности, в до-

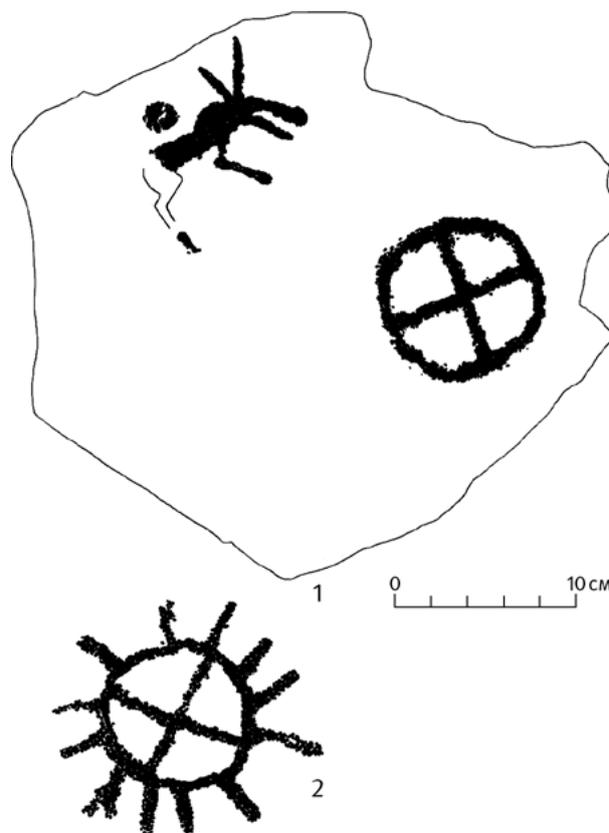

РИС. 9. Хуруугийн Узуур, изображения в форме колеса со спицами (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 9. Khuruugiin Uzuur, representations in the form of a wheel with spokes (drawing by Yu. N. Esin)

лине р. Хойд Тамир на это указывают специфические изделия с парой крюков у 18 стел. Данный предмет, иногда называемый «держателем поводьев», являлся важным элементом экипировки колесничего (Варёнов, 1984; Lin, 2007). С учетом фрагментарности и плохой сохранности многих стел, не позволяющей сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии изображения данного предмета, количество таких оленных камней, несомненно, было больше (из 108 обследованных здесь стел лишь 47 обладали необходимой сохранностью). Важно отметить, что форма пластины с крюками, показанная на оленных камнях, принадлежит к типу, отличному от аналогичных по функции изделий (пластина с дугами «в форме лука») из китайских погребений с колесницами периода Шан. Тот тип «держателя поводьев», что изображен на оленных камнях, в Китае тоже известен, но датируется не ранее конца Западного Чжоу (Lin, 2007. Рис. 1.3). Это не позволяет согласиться с гипотезой, рассматривающей появление в Китае колесничного комплекса в контексте влияния культуры херексуров и оленных камней (Taylor et al., 2015. P. 856; 2017. P. 56).

На всех изученных оленных камнях данная принадлежность экипировки колесничего всегда соседствует с комплектом оружия. Чаще всего он включает лук и колчан со стрелами, боевой топор, нож, кинжал и щит (рис. 10). Это указывает на военное значение и самих колесниц в реальной жизни.

С длительным использованием лошадей в колесничной упряжке может быть связано возникновение характерных следов от узды, выявленных недавно на некоторых черепах из жертвенников возле оленных камней и херексуров того же типа, что и в долине р. Хойд Тамир. Хотя в это же время, видимо, уже практикуется и верховая езда (Taylor et al., 2015). С точки зрения возможной связи с колесничными упряжками могут представлять особый интерес четыре захоронения парных лошадиных черепов, обнаруженные возле крупного херексура В10 в долине Хойд Тамир (Lepetz et al., 2019. P. 158, fig. 10, c, f).

На задней (западной для первоначальной позиции) грани стелы 5 в окрестностях Хуруугийн Узуур выбита отдельная композиция из двух оленей, которые расположены спинами друг к другу, т. е. аналогично лошадям парной запряжки колесницы (рис. 11). Значение и место этой композиции становятся понятны в контексте того, что на задней либо боковой грани нескольких оленных камней Монголии и Тувы обнаружены изображения самих запряженных колесниц, движущихся вверх, к небу (Волков, 2002. Табл. 103, 2). Однако остается открытым

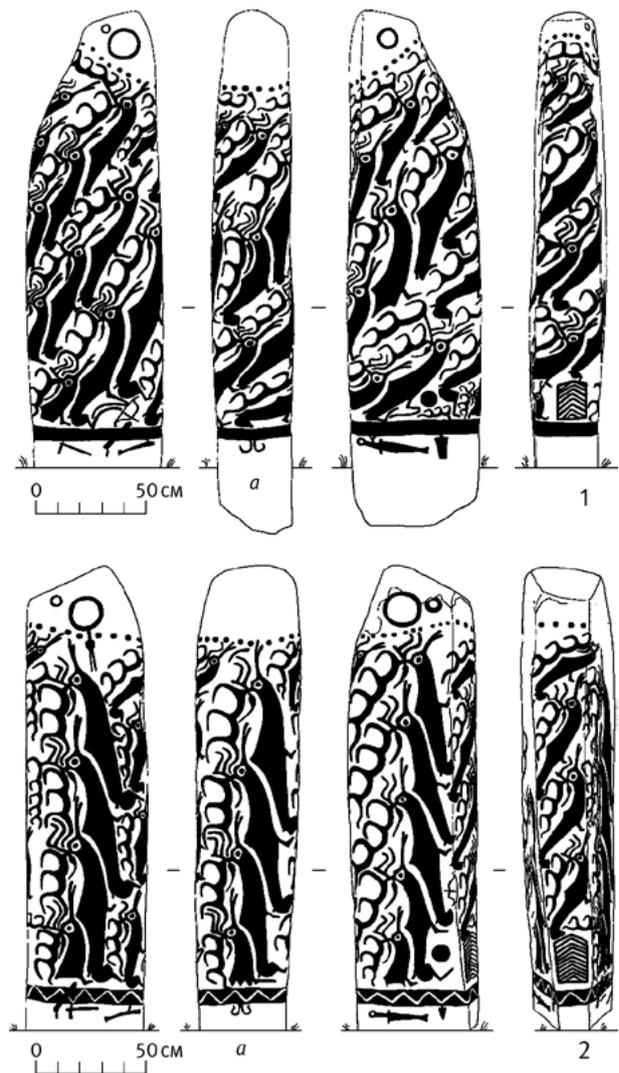

РИС. 10. Хойд Тамир, оленные камни 35 (1) и 33 (2): а – пластина с парой крюков, закрепленная на поясе (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 10. Khoyd Tamir, deer stones 35 (1) and 33 (2): a – plate with a pair of hooks attached to a belt (drawing by Yu. N. Esin)

вопрос, почему в данном случае вместо упряжных лошадей изображены олени? Ответ на него, несомненно, тесно связан с более общей проблемой: как образ умершего воина (в том числе воина-колесничего), с которым соотнесены стелы позднего бронзового века Монголии, связан с образом оленя, ставшего типичным элементом их оформления?

Анализ композиций: люди, лошади, олени

Рядом с колесницей на скальной плоскости Хуруугийн Узуур выбито еще несколько рисунков той же исторической эпохи (рис. 2). Взаимное расположение фигур в линейном стиле сопоставимо

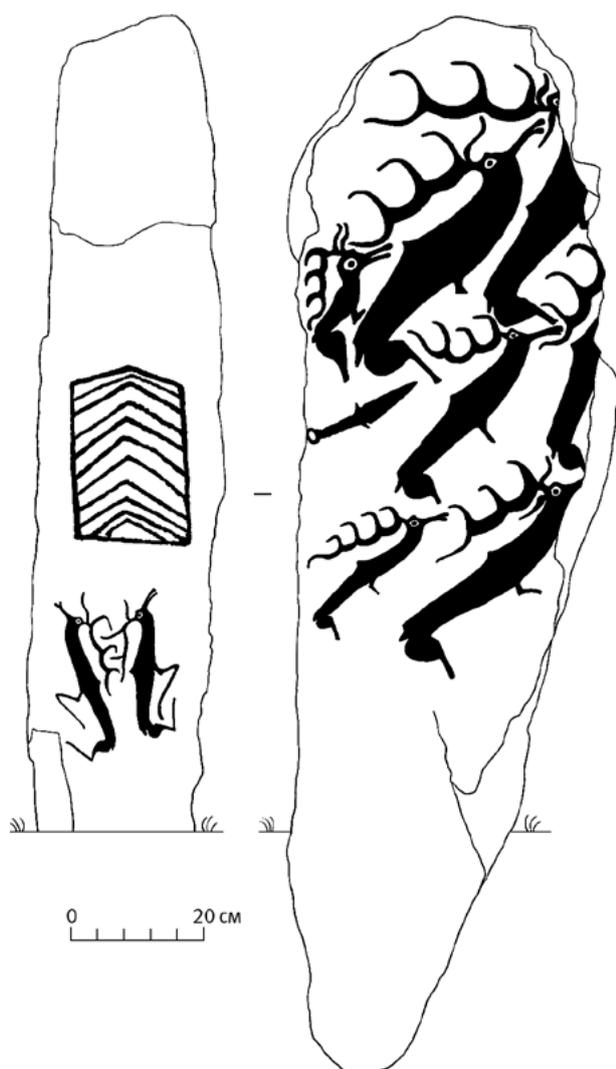

РИС. 11. Хойд Тамир, оленный камень 5 (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 11. Khoyd Tamir, deer stone 5 (drawing by Yu. N. Esin)

с изображениями из кургана 128 и позволяет рассматривать их в качестве композиции. Колесница находится в нижнем ярусе этой композиции. Верхний ярус отмечен одной обособленной лошадейю прямо над колесничим (рис. 2, 2). Она направлена головой вправо, т. е. аналогично колеснице, но противоположно остальным животным на плоскости. Между колесницей и этой лошадейю, но немного правее, расположена группа копытных из одного оленя и нескольких лошадей, движущихся влево и вверх. Возглавляет группу большерогий олень, фигура которого превосходит по размеру следующих за ним животных (рис. 2, 3). Снизу от него — самая крупная фигура лошади. Позади этих двух животных в вертикальный ряд выстроены

еще четыре лошади (рис. 2, 5–8). Таким образом, можно говорить о трехчастной композиции, крайние точки которой занимают человек на колеснице и одиночная лошадь, а между ними — группа из пяти лошадей во главе с оленем, которая движется наклонно вверх, туда, где находится ожидающая их одиночная, «главная» лошадь.

На этой же плоскости есть еще изображения трех животных позднего бронзового века, которые стилистически несколько отличаются от описанной группы: горный козел чуть ниже колесницы (рис. 2, 10); две лошади с длинной и вытянутой вверх шеей, одна из которых (крупная и более реалистичная) выбита ниже козла (рис. 2, 11), а другая (маленькая и схематичная) — чуть выше колесницы (рис. 2, 9). Судя по положению на плоскости, они могли быть добавлены позднее. Последнее, в частности, относится к маленькой лошадей с вытянутой вверх шеей, размещенной среди лошадей основной группы. Самый поздний рисунок здесь — олень с узкой мордой (рис. 2, 12), напоминающей длинный клюв птицы (как у журавля). Он перекрыл колесницу, но ориентирован аналогично более раннему оленю и основной группе животных.

Композиция на скале находит довольно близкое сходство с композицией на каменном блоке из кургана 128 у подножия этой сопки (рис. 7). Восприятие изображений на блоке из кургана 128 зависит от того, как его ориентировать. Если расположить человека и основную часть животных ногами вниз, то перед нами бытовая сцена, в которой мужчина пасет лошадей или просто движется следом за ними. Но в этом случае непонятно, почему среди лошадей находится олень. Кроме того, из этой сцены выпадает одна лошадь, которая оказывается повернутой перпендикулярно остальным животным (головой вверх). Однако в контексте погребальной конструкции блок был установлен так, что человеческая фигура располагалась горизонтально головой влево (в западный сектор) (рис. 8, 1), шесть животных движутся вверх (рис. 8, 3–8), а одна лошадь обособлена и тоже расположена в горизонтальной позиции (рис. 8, 2). Таким образом, положение фигур, как и на скале, разделяет композицию на три яруса по вертикали.

Представляется неслучайным, что положение и ориентировка мужской фигуры на камне совпадают с положением тела в гробнице. Это позволяет предполагать, что мужская фигура тоже изображает умершего человека. Выбор этого камня для включения в погребальный контекст и, вероятно,

преднамеренное расположение мужской фигуры параллельно телу умершей женщины указывает на то, что изображения на нем связаны с соответствующими верованиями и обрядами. Не исключено, что таким образом устроители погребального обряда могли символически воссоздать семейные или клановые связи умершей женщины. Независимо от того, были ли петроглифы нанесены на камень специально для ее погребального обряда или немного ранее, решение использовать этот каменный блок в погребении свидетельствует, что композиция на нем соответствовала существовавшим верованиям, связанным со смертью. В частности, если мужская фигура, как сказано выше, являлась изображением умершего человека, то композиция в целом могла иллюстрировать его переход в иной мир.

При такой интерпретации вместе с умершим туда отправились пять лошадей (рис. 8, 4–8). Возможно, они соответствовали животным, принесенным в жертву в ходе погребально-поминального обряда, хотя обычая оставлять их кости в курганах этой культуры не было. Важную роль в этом переходе играл олень-самец с большими рогами, который, судя по композиции, ведет всю группу (рис. 8, 3). Эта группа ориентирована иначе, чем последняя лошадь (рис. 8, 2), которая, видимо, маркирует иную область пространства. Поскольку эта область расположена на самом верху композиции, то целью перехода можно считать некое пространство на небе, которое, по аналогии с жизненной практикой, могло представляться в виде пастбища.

Нет сомнений, что обе композиции, на камне из кургана и на скале, принадлежат к одному типу изобразительного текста и отражают один и тот же круг идей. Обе они показывают табун лошадей и одного оленя с большими рогами, а также одиночную лошадь, противопоставленную остальному табу, и одиночную фигуру человека, расположенную в противоположной части композиции. Отличие между ними лишь в том, что человек на скале изображен вместе с колесницей (рис. 2, 1). Колесницу, следовательно, можно интерпретировать как транспортное средство, на котором умерший отправился в иной мир. Показательно совпадение количества лошадей, идущих за оленями в обеих композициях, что может свидетельствовать об определенных ритуальных правилах и необходимом количестве животных для благополучного посмертного существования. Дополнительно можно обратить внимание на иерархию

среди лошадей обеих групп, показанную с помощью разного размера фигур и порядка их взаимного расположения, что напоминает иерархию в табунах. Похоже, что мужчина на колеснице и пеший контролируют движение своих табунов, направляя их за оленем. Причина, по которой один из мужчин показан с колесницей, а другой – нет, могла быть связана с их разным прижизненным социальным статусом.

Трехъярусность композиций на скале и камне из кургана 128 среди других археологических материалов микрорайона имеет сходство с тремя ярусами композиции ранней группы оленных камней (Есин и др., 2017. С. 107). Сходство есть и в наборе образов: человек, олень и лошадь. С человеком соотносится весь оленный камень, что достигалось благодаря правилам размещения пояса с оружием и украшений, которые, одновременно, разграничивали стелу на три яруса. Фигуры оленей типичны для среднего яруса, причем, как на скале и на камне из кургана 128, они движутся наклонно или вертикально вверх (рис. 10). Лошади на оленных камнях изображались значительно реже оленей, но когда присутствуют, то в среднем ярусе стел они тоже направлены головой вверх. Любопытно, что на двух стелах с р. Хойд Тамир изображены группы по пять лошадей, как в более раннее время (Гантулга и др., 2016. № 2, 38).

Редкость образа лошади на оленных камнях компенсируется тем, что это животное было главной жертвой в ходе ритуалов: черепа лошадей в большом числе содержатся под выкладками из камней возле стел и херексуров. Стела и расположенные рядом жертвенники, безусловно, должны анализироваться не по отдельности, а как единый ритуальный комплекс, все части которого взаимосвязаны. В этом случае, изображенные на стеле мифические олени, обладающие признаками птиц, должны были увести в иной мир души и умершего воина, и лошадей, принесенных в жертву. Совмещение связанных с оленем верований и жизненной практики населения позднего бронзового века, в которой важную транспортную и социальную роль стали играть колесницы, сделало возможным замещение упряжных лошадей оленями, как на стеле 5 (рис. 11).

За пределами долины р. Хойд Тамир композиционная связь между колесницей и оленем прослеживается на многих археологических памятниках Центральной Монголии и Саяно-Алтая (Новгородова, 1989. С. 154, 157; 1978. Рис. 6; Окладников и др.,

1979. Табл. 9, 2; 33; 34; *Кубарев и др.*, 2005. Рис. 1, 94, 177, 244, 624, 713; *Черемисин*, 2006. Рис. 4, 4). Композиции, включающие колесницу и оленя, в конце II – начале I тыс. до н. э. известны также на достаточно удаленных территориях: от востока Внутренней Монголии до Восточного Средиземноморья, а в Закавказье, кроме того, пара оленей обнаружена в роли тягловых животных в погребении, моделирующем повозку (*Комиссаров*, 1988. Рис. 74; *Погребова*, 2011. Табл. I; XI; *Feldman, Sauvage*, 2010. Fig. 34; 46; *Смирнов*, 2018).

На территории к востоку от р. Иртыш в целом можно выделить несколько основных вариантов композиционной связи между колесницей и оленем: а) с признаками преследования и охоты на оленя с колесницы; б) колесница просто следует за оленем; в) олень сопровождает колесницу; г) олень находится впереди колесницы и ожидает ее; г) олень служит тягловым животным колесницы. Все они могут отражать варианты связанных с оленем и колесницей верований, которые существовали в устной форме. Например, путь в иной мир мог описываться и как поездка или перекочевка, в которой оказывал помощь мифический олень, и как процесс преследования оленя на охоте. Последнее, при этом, могло фиксировать реальную практику использования колесниц. Например, в Хангае и сегодня можно встретить оленей, пересекающих открытые степные участки на закате и рассвете; преследование их в такие моменты на колеснице было бы вполне возможным, хотя опасным занятием.

Обсуждение и заключение

Таким образом, основываясь на материалах археологических памятников долины р. Хойд Тамир, использование колесниц в Центральной Монголии получает вполне определенный историко-культурный контекст. Он позволяет разделить имеющиеся свидетельства на два хронологических горизонта: XV–XII вв. до н. э. или 1-й период эпохи поздней бронзы (ЭПБ-1); XII–IX вв. до н. э. или 2-й период эпохи поздней бронзы этого района (ЭПБ-2).

В более широком историческом и географическом контексте первый период можно соотносить с распространением колесниц по всей восточной части степного пояса и появлением их в конце XIII в. до н. э. в погребениях знати государства Шан (*Shaughnessy*, 1988; *Wu*, 2013; *Shelach-Lavi*, 2014. P. 15). При этом их появление непосредственно вблизи границ Шан, видимо, связано с другой

культурой позднего бронзового века Монголии – культурой Уланзурх-Тэвш, сформировавшейся не позднее XIII в. до н. э. в степях Восточной и Внутренней Монголии (*Чугунов и др.*, 2020).

Отсутствие находок реальных колесниц позднего бронзового века в Монголии не является достаточным основанием сомневаться в их использовании здесь, поскольку этот регион находился на пути движения данной инновации на восток. В коллекциях музеев Монголии можно выделить небольшую серию бронзовых изделий конца II – начала I тыс. до н. э. из числа случайных находок, которые, по аналогии с предметами оснащения колесниц эпохи бронзы Кавказа и периода Западного Чжоу Китая, следует рассматривать как детали оснащения дышла и перекладки ярма (*Цзвэндорж*, 2012. Табл. 179, 1, 2, 6; 180, 1; 181, 1; *Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар*, 2011. Рис. 19, 128–131). Атрибут колесничих – пластина с парой крюков – наряду с другими предметами вооружения и экипировки, показанными на каменных стелах ЭПБ-2, тоже имеет вполне реальные аналоги среди археологических находок. Столь же реальны были и сами колесницы. Их практическая функция в обществе, судя по оружейному контексту пластины с крюками на оленных камнях, была тесно связана с военным делом. Наряду с этим, судя по композиции на скале, колесницы использовались и для контроля за табунами лошадей. Впрочем, обе эти функции взаимосвязаны.

Анализ изобразительных и археологических контекстов показал, что причина изображения колесницы на скалах Хуруугийн Узуур связана с погребально-поминальными обрядами, способствовавшими переходу умершего в иной мир, а композиция с ее участием – с представлениями об этом переходе. Наскальные изображения демонстрируют, что эти представления совмещали военно-транспортную инновацию эпохи бронзы с верованиями о ключевой роли оленя в посмертном путешествии души умершего. Данная роль оленя отчетливо зафиксирована изобразительными композициями в период культуры курганов сагсайского типа, но особенно ярко проявилась в ЭПБ-2, когда олень стал обязательным и важнейшим зооморфным образом на восточной группе оленных камней. Поскольку прагматика не могла не накладывать ограничения на содержание наскальных композиций с колесницами, это снимает противоречие между двумя имевшимися подходами в их интерпретации, отмеченными во

введении, — колесницей как образом из реальной жизни и колесницей как образом мифов и обрядов.

Существование сразу нескольких изобразительных стилей в короткий период времени в конце II тыс. до н. э. в долине Хойд Тамир схоже с ситуацией, бытовавшей и на других территориях восточных степей, в частности, в Туве, в Минусинской котловине (Килуновская, Семёнов, 2019. Рис. 15–17; Есин, 2013. Рис. 5–8). Очевидно, она отражает возросшую подвижность скотоводов в то время. В этой связи появление линейного стиля на Хуруугийн Узуур можно рассматривать как свидетельство прихода сюда новой группы населения с новыми традициями, включившими использование колесниц. Изучение проблемы происхождения этой группы не входит в задачи данной статьи, но нельзя не отметить большой ареал сопоставимых «линейных» изобразительных традиций позднего бронзового века, который за пределами Монголии и Тувы включает Минусинскую котловину на севере и юго-восток Казахстана на западе (Самашев, 2018. Рис. 144; 309; 405). В качестве гипотезы можно предположить первоначальное возникновение такого стиля в андроновских или постандроновских сообществах за пределами Хангая и Саяно-Алтая, а затем его последующее распространение и адаптацию на новых территориях.

Изображения линейного стиля сосуществуют на Хуруугийн Узуур с более реалистичными изображениями в ином стиле. Причем вторые по количеству значительно превосходят первые. Это можно рассматривать как указание на меньшую численность той группы населения, которая была носителем линейного стиля. Несмотря на это, обладание колесницами могло обеспечить ей военное превосходство и высокий социальный статус. Различия в изобразительных традициях являются не единственным свидетельством того, что сообщества скотоводов, проживавших в Центральной Монголии в ЭПБ-1, включали разные по происхождению группы. С этим же связаны некоторые различия в погребальном обряде и антропологическом типе. Например, в могильнике Хар Хараач в курганах с четырьмя стелами погребены люди и монголоидного, и европеоидного фенотипа (Miyamoto, 2017). Очень важны результаты изучения ДНК у погребенных в курганах Цагаан Асга и Тэхилгат Узуур из Западной Монголии, которые послужили основой для выделения погребений сагсайского типа. Они, бесспорно, демонстрируют смешение разных групп населения, одна из кото-

рых генетически связана с местным монголоидным населением, а другая — с андроновскими племенами (Hollard et al., 2014).

К сожалению, в недавних исследованиях по палеогенетике погребения сагсайского типа не были выделены в особую группу, а рассматривались как составная часть культуры херексуров и оленных камней (Jeong et al., 2018; 2020). Тем не менее, базовая группа из 20 образцов, которая стала ведущей для характеристики населения культуры херексуров и оленных камней, заслуживает нескольких комментариев. Она происходит из серии погребений в сомоне Арбулаг аймака Ховсгол. Если проанализировать конструкцию этих погребений, то среди них имеются лишь один настоящий херексур (2009-52/ARS026) и четыре кургана (2006-01/ARS001, 2006-06/ARS004, 2008-41/ARS020, 2007-16/ARS011), близких к херексурам. Большая часть остальных 15 курганов близка сагсайскому типу памятников (Jeong et al., 2018. Fig. S2). В связи с этим, невозможно рассматривать общие характеристики этих 20 образцов для описания генетической специфики носителей традиции херексуров. Корни возникшей проблемы связаны с классификацией курганов из Арбулага (Frohlich et al., 2008), которая уже упомянута выше. Эта классификация была основана не на анализе различий в конструкции курганов, а на их локализации в ландшафте, для всех них использовалось наименование «херексур». Отрицательные последствия такого подхода проявились в ошибочном удревнении культуры херексуров, возникновении значительного разрыва во времени между ее появлением и появлением оленных камней, а также сказались и на решениях ряда других вопросов в изучении эпохи бронзы Монголии.

Генетика носителей традиции херексуров и оленных камней и ее соотношение с генетикой населения, соорудившего курганы сагсайского типа, требует дальнейшего изучения с большим вниманием к особенностям конструкции курганов, а также расширением количества и географии образцов. В настоящий момент, основываясь на материалах из долины р. Хойд Тамир, можно предполагать, что распространение традиции херексуров и оленных камней было связано с появлением новой группы населения с высокой долей генов западных скотоводов. Например, физические характеристики мужчины, погребенного в херексуре KTS01 около Хуруугийн Узуур, отличаются от погребенных в курганах сагсайского типа ярко

выраженными признаками европеоидного фенотипа. Аналогичным образом, ДНК погребенного в херексуре из Арбулага (2009-52/ARS026) выделяется на фоне образцов из других раскопанных курганов этой местности. Отличие этой новой группы населения от предыдущей, согласно ДНК погребенного в херексуре из Уушигийн Увур, возможно, связано с некоторыми южными контактами, которые проявляются в небольшом генетическом компоненте, типичном для европеоидов Гонура (*Jeong et al.*, 2020. P. 895). Стоит отметить, что это не первый случай появления в Монголии населения с таким генетическим компонентом, т. к. ранее он имелся у скотоводов чечурчекской культуры (*Ibid.* P. 893). Позднее он будет типичным для саков (*Ibid.* P. 895). После того, как носители традиции херексуров и оленных камней установили контроль в степях Центральной Монголии, предыдущее население с традицией курганов сагсайского типа, видимо, в основном заняло место субстратной основы нового культурного образования.

Несмотря на продолжение использования колесниц в ЭПБ-2 и преемственность роли, которую колесница играет в верованиях населения, с появлением нового населения в колесничном деле могли появиться новации. В частности, изменения произошли в форме бронзовых «держателей поводьев» для пояса колесничих. Вероятно, население ЭПБ-1 Монголии использовало «держатели» того же раннего типа, что представлен в Китае в период Шан и в погребениях карасукской культуры Минусинской котловины. Это единственное разумное объяснение, позволяющее связать два ареала таких предметов в бассейнах Хуанхэ и Енисея. Также, судя по ряду изображений колесниц на оленных камнях Монголии и Тувы, в ЭПБ-2 получила широкое распространение более сложная запряжка из четырех лошадей, а колеса колесниц увеличились в диаметре.

Литература

- Байпаков, Марьяшев*, 2008 — *Байпаков К. М., Марьяшев А. Н.* Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Sredo, 2008. 200 с.
- Баярсайхан*, 2017 — *Баярсайхан Ж.* Монголын умард нутгийн буган хөшөөд, Улаанбаатар: Интерпресс, 2017. 323 т. (на монг. яз.).
- Варёнов*, 1984 — *Варёнов А. В.* О функциональном назначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.

В период херексуров и оленных камней колесничие, несомненно, обладали высоким социальным статусом. Однако, параллельно (видимо, уже с ЭПБ-1) получает распространение использование лошади для верховой езды, обусловленное потребностями скотоводческого хозяйства (*Taylor et al.*, 2020; *Grupe et al.*, 2019). Как наиболее раннее изображение лошади, предназначенной для выполнения транспортной функции без запряжки в колесницу (езда верхом, перевозка вьюков), в наскальном искусстве Хуруугийн Узуур можно рассматривать композицию, в которой пеший воин с луком на поясе ведет за повод одиночное животное (*рис. 12*). Стилистически эта лошадь связана с изобразительной традицией ЭПБ-2. Развитие практики верховой езды и совершенствование связанных с ней приспособлений в начале I тыс. до н. э. сделало возможным эффективное использование верховой езды в военных целях, что привело к завершению эпохи колесниц у скотоводов евразийского степного пояса и к началу эпохи воинов-всадников.

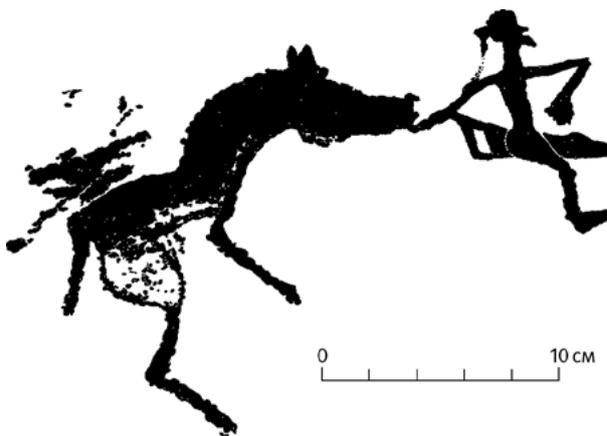

РИС. 12. Хуруугийн Узуур, воин с лошастью на поводу (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 12. Khuruugiin Uzuur, warrior with a horse at the bridle (drawing by Yu. N. Esin)

- Волков*, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Волков, Гришин*, 1970 — *Волков В. В., Гришин Ю. С.* Раскопки и разведки в Монголии // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 444–446.
- Гантулга*, 2014 — *Гантулга Ж.* Хүрэл, түрүү төмрийн үеийн оршуулгын дурсгалын нэр томъёоны асуудалд // Хүрэл, түрүү төмрийн үе ба Хүннүгийн өмнөх соёлын судалгаа. Эрдэм шинжилгээний бага хүрлын илтгэлийн эмхэтгэл / Ред. Ч. Ерөөл-Эрдэнэ. Улаанбаатар, 2014. Т. 20–48. (на монг. яз.).

- Гантулга и др.*, 2016 — *Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж.* Хойд Тамирын хөндий дэх археологийн судалгаа. I: Буган хөшөө. Улаанбаатар: Адмон принт, 2016. 186 т. (на монг. яз.).
- Гантулга и др.*, 2018 — *Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж.* Хойд Тамирын хөндий дэх археологийн судалгаа. II: Хөрөөгийн Үзүүрийн хадны зургийн судалгаа. Улаанбаатар: Мөнхийн Үсэг, 2018. 192 т. (на монг. яз.).
- Дорж, Новгородова*, 1975 — *Дорж Д., Новгородова Э. А.* Петроглифы Монголии. Улаанбаатар: АН МНР, 1975. 232 с.
- Дэвлет*, 1998 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы на дне Саянского моря. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.
- Есин*, 2009 — *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: ТомГУ, 2009. 526 с.
- Есин*, 2013 — *Есин Ю. Н.* Петроглифы «Шаман-камя» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 66–81.
- Есин и др.*, 2012 — *Есин Ю. Н., Магай Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж.* К проблеме выделения наскального искусства афанасьевской культуры Монголии: новые материалы и подходы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова / Редкол.: В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 205–211.
- Есин и др.*, 2017 — *Есин Ю. Н., Магай Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж.* О краске на оленних камнях Монголии // АЭАЕ. 2017. Т. 43, № 3. С. 100–110.
- Кадырбаев, Марьяшев*, 2007 — *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Петроглифы хребта Каратау. Алма-Ата: б. и., 2007. 147 с.
- Килуновская, Семёнов*, 2019 — *Килуновская М. Е., Семёнов А. В.* Искусство древней Тувы (III–I тысячелетия до н. э.) // Искусство Евразии. 2019. № 3 (14). С. 20–49.
- Килуновская и др.*, 2020 — *Килуновская М. Е., Семёнов А. В., Чадамба Л. Д.* Памятник наскального искусства в долине реки Торгалыг — гора Кара-Туруг (Овурский район Республики Тыва) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 21–44.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2010 — *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2010. С. 104–117.
- Кожин*, 1987 — *Кожин П. М.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 109–126.
- Комиссаров*, 2004 — *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения Древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.
- Кубарев*, 2004 — *Кубарев В. Д.* Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая. 2004. № 12. С. 12–26.
- Кубарев*, 2009 — *Кубарев В. Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 420 с.
- Кубарев и др.*, 2005 — *Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кузьмина*, 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.
- Кузьмина*, 2011 — *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2011. 240 с.
- Кукушкин, Дмитриев*, 2019 — *Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А.* Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // АЭАЕ. 2019. Т. 47, № 4. С. 43–52.
- Мартынов и др.*, 1992 — *Мартынов А. И., Марьяшев А. Н., Абетеков А. К.* Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата, 1992. 110 с.
- Новгородова*, 1978 — *Новгородова Э. А.* Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА. 1978. № 4. С. 192–206.
- Новгородова*, 1984 — *Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова*, 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
- Новоженев*, 2012 — *Новоженев В. А.* Чудо коммуникации и древний колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
- Окладников и др.*, 1979 — *Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. 136 с.
- Погребова*, 2011 — *Погребова М. Н.* История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н. э. (по археологическим данным). М.: Восточная литература, 2011. 422 с.
- Самашев*, 2018 — *Самашев З.* Петроглифы Тарбагатай. Шимайлы. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2018. 366 с.
- Смирнов*, 2018 — *Смирнов Н. Ю.* Путеводный олень: сюжет преследования оленя героем на колеснице в изобразительной традиции востока и запада Евразии второй половины II – рубежа II–I тыс. до н. э. и некоторые фольклорно-эпические параллели // ПИФК. 2018. № 2. С. 63–91.
- Ткачёв*, 2002 — *Ткачёв А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Төрбат*, 2014 — *Төрбат Ц.* Монгол Алтайн хүрлийн үеийн судалгааны тулгамдсан асуудлууд // Хүрэл, түрүү төмрийн үе ба Хүннүгийн өмнөх соёлын судалгаа. Эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхэтгэл / Ред. Ч. Ерөөл-Эрдэнэ. Улаанбаатар, 2014. Т. 8–19. (на монг. яз.).
- Төрбат*, 2018 — *Төрбат Ц.* (ред.). Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Эрдэм шинжилгээний ката-

- лог, в 2-х т. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2018. (на монг. яз.).
- Тэрзуунбаяр*, 2012 — *Тэрзуунбаяр С.* Төв Азийн хадны зургаас эртний нүүдэлчдийн тэрэгний загвар, бүтцийн хувьслыг шинжлэх нь // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.) / Ред.: Д. Түмэн и др. Улан-Батор: Изд-во Монг. ГУ, 2012. Т. 1. Т. 246–282. (на монг. яз.).
- Франкфор, Якобсон*, 2004 — *Франкфор А.-П., Якобсон Э.* Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // АЭАЕ. 2004. № 2 (18). С. 53–78.
- Худяков*, 2002 — *Худяков Ю. С.* Боевые колесницы в Южной Сибири и Центральной Азии // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура / Ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. Ч. 1. С. 139–141.
- Худяков*, 2011 — *Худяков Ю. С.* Культуры древних номадов бронзового и раннего железного веков Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4. С. 9–18.
- Цэвээндорж*, 2012 — *Цэвээндорж Д.* История древнего искусства Монголии. Улаанбаатар: ИА, 2012. 385 с.
- Черемисин*, 2006 — *Черемисин Д. В.* К дискуссии об информативности петроглифов и методов их изучения // АЭАЕ. 2006. № 3 (27). С. 89–100.
- Чечушков*, 2011 — *Чечушков И. В.* Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 57–65.
- Чугунов и др.*, 2020 — *Чугунов К. В., Роусон Дж., Гребнев Г. А.* Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 409–438.
- Шер*, 1980 — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар*, 2011 — *Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д.* Тэнгэрийн илд, Улаанбаатар: Нарлаг Монгол Оноодор, 2011. 496 т. (на монг. яз.).
- Bussagli*, 1955 — *Bussagli M.* The “Frontal” Representation of the Divine Chariot // *East and West*. 1955. Vol. 6, no. 1. P. 9–25.
- Enkhtör et al.*, 2018 — *Enkhtör A., Bemann J., Brosseder U.* The first excavations of bronze and iron age monuments in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007 // *Asian Archaeology*. 2018. Vol. 1. P. 3–44.
- Feldman, Sauvage*, 2010 — *Feldman M. H., Sauvage C.* Objects of Prestige? Chariots in the Late Bronze Age Eastern Mediterranean and Near East // *Egypt and the Levant*. 2010. Vol. 20. P. 67–182.
- Francfort*, 2002 — *Francfort H.-P.* Images du char en Eurasie orientale des origines à la fin du 1er millénaire av. J.-C. // *Первобытная археология. Человек и искусство* / Ред. В. В. Бобров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. P. 80–89.
- Frohlich*, 2006 — *Frohlich B.* Burial Mound Survey in Hovsgol Aimag, Mongolia // *The Deer Stone Project: Anthropological studies in Mongolia 2005* / Ed. W. Fitzhugh. Ulaanbaatar: Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, and National Museum of Mongolian History, 2006. P. 67–79.
- Frohlich et al.*, 2008 — *Frohlich B., Amgalantugs T., Littleton J., Hunt D., Hinton J., Batchatar E., Dickson M., Frohlich T., Goler K.* Bronze Age burial mounds (Khirigsuurs) in the Hovsgol Aimag, Mongolia: A reconstruction of biological and social histories // *Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae*. Ulaanbaatar, 2008. T. (VI) XXVI, fasc. 6. P. 92–114.
- Grupe et al.*, 2019 — *Grupe G., Marx M., Schellerer P.-M., Bemann J., Brosseder U., Yeruul-Erdene C., Gantulga J.-O.* Bioarchaeology of Bronze and Iron Age skeletal finds from a microregion in Central Mongolia // *Anthropologischer Anzeiger*. 2019. Vol. 76, Nr. 3. P. 233–243.
- Hollard et al.*, 2014 — *Hollard C., Keyser C., Giscard P.-H., Tsagaan T., Bayarkhuu N., Bemann J., Crubezy E., Ludes B.* Strong Genetic Admixture in the Altai at the Middle Bronze Age Revealed by Uniparental and Ancestry Informative Markers // *Forensic Science International: Genetics*. 2014. No. 12. P. 199–207.
- Houle*, 2010 — *Houle J.-L.* Emergent Complexity on the Mongolian Steppe: Mobility, Territoriality, and the Development of Early Nomadic Polities. PhD Dissertation. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2010. 240 p.
- Jacobson-Tepfer*, 2012 — *Jacobson-Tepfer E.* The Image of the Wheeled Vehicle in the Mongolian Altai: Instability and Ambiguity // *The Silk Road*. 2012. Vol. 10. P. 1–28.
- Jacobson-Tepfer*, 2015 — *Jacobson-Tepfer E.* The Hunter, the Stag, and the Mother of Animals: Image, Monument, and Landscape in Ancient North Asia. Oxford: Oxford University Press, 2015. 447 p.
- Jeong et al.*, 2018 — *Jeong C., Wilkin S., Amgalantugs T., Bouwman A. S., Taylor W. T. T., Hagan R. W., Bromage S., Tsolmon S., Trachse, C., Grossmann J., Littleton J., Makarewicz Ch. A., Krigbaum J., Burri M., Scott A., Davaasambuu G., Wright J., Irmer F., Myagmar E., Boivin N., Robbeets M., Rühli F. J., Krause J., Frohlich B., Hendy J., Warinner C.* Bronze Age population dynamics and the rise of dairy pastoralism on the eastern Eurasian steppe // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2018. Vol. 115. P. E11248–E11255.
- Jeong et al.*, 2020 — *Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., Miller B. K., Ulziibayar S., Stahl R., Chiovelli Ch., Bemann J. H., Knolle F., Kradin N., Bazarov B. F., Miya-gashev D. A., Kononov P. B., Zhambaltarova E., Ventresca Miller A., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Myagmar E., Hendy J., Warinner C.* A dynamic 6,000-year genetic history of Eurasia’s Eastern Steppe // *Cell*. 2020. Vol. 183, is. 4. P. 890–904.
- Lepetz et al.*, 2019 — *Lepetz S., Zazzo A., Bernard V., de Larm-inat S., Magail J., Gantulga J.-O.* Customs, rites, and sacrifices relating to a mortuary complex in Late Bronze Age Mongolia (Tsatsyn Ereg, Arkhangai) // *Anthropozoologica*. 2019. Vol. 54 (1). P. 151–177.
- Lin*, 2007 — *Lin Yun.* Additional explanation of bronze hooks for hanging reins // *Research of China’s Frontier Archaeology*. Changchun, 2007. P. 1–8.
- Miyamoto*, 2017 — *Miyamoto K.* (ed.). Excavations at Bor Ovoo and Khyar Kharaach Sites: The second Report on Joint Mongolian-Japanese Excavations in Outer Mongolia. Fukuoka: Kyushu University, 2017. 80 p.

- Piggott, 1978 – Piggott S. «The Chinese Chariot: An Outsider's View» // *Arts of the Eurasian Steppelands* / Ed. Ph. Denwood. London: Percival David Foundation of Chinese Art, 1978. P. 32–51.
- Piggott, 1983 – Piggott S. *The Earliest Wheeled Transport: From the Atlantic Coast to the Caspian Sea*. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 272 p.
- Raulwing, 2000 – Raulwing P. *Horses, Chariots and Indo-Europeans: Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics*. Budapest: Archaeolingua, 2000. 210 p.
- Rogers et al., 2019 – Rogers L. L., Honeychurch W., Amartuvshin Ch., Kaestle F. A. U5a1 Mitochondrial DNA Haplotype Identified in Eneolithic Skeleton from Shatar Chuluu, Mongolia // *Human Biology*. 2019. Vol. 91, No. 4. P. 213–223.
- Shaughnessy, 1988 – Shaughnessy E. L. *Historical Perspectives on the Introduction of the Chariot into China* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1988. Vol. 48. P. 189–237.
- Shelach-Lavi, 2014 – Shelach-Lavi G. *Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE* // *Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors* / Eds. R. Amitai, M. Biran. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2014. P. 10–31.
- Taylor et al., 2015 – Taylor W. T. T., Bayarsaikhan J., Tuvshinjargal T. Equine cranial morphology and the identification of riding and chariotry in late Bronze Age Mongolia // *Antiquity*. 2015. Vol. 89. P. 854–871.
- Taylor et al., 2017 – Taylor W. T. T., Jargalan B., Lowry K. B., Clark J., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J. A Bayesian chronology for early domestic horse use in the Eastern Steppe // *Journal of Archaeological Science*. 2017. Vol. 81. P. 49–58.
- Taylor et al., 2019 – Taylor W., Wilkin S., Wright J., Dee M., Erdene M., Clark J., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J., Fitzhugh W., Boivin N. Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition // *PLoS ONE*. 2019. Vol. 14 (11). P. 1–20.
- Taylor et al., 2020 – Taylor W. T. T., Clark J., Bayarsaikhan J., Tuvshinjarga T., Thompson Jobe J., Fitzhugh W., Kortum R., Spengler III R. B., Shnaider S., Seersholm F. V., Hart I., Case N., Wilkin S., Hendy J., Thuering U., Miller B., Ventresca Miller A. R., Picin A., Vanwezer N., Irmer F., Brown S., Abdykanova A., Shultz D. R., Pham V., Bunce M., Douka K., Jones E. L., Boivin N. Early Pastoral Economies and Herding Transitions in Eastern Eurasia // *Nature: Scientific Reports*. 2020. Vol. 10 (1001). P. 1–15.
- Wu, 2013 – Wu H.-Y. *Chariots in Early China: Origins, cultural interaction, and identity*. Oxford: Archaeopress, 2013. 135 p.
- Zazzo et al., 2019 – Zazzo A., Lepetz S., Magail J., Gantulga J.-O. High-precision dating of ceremonial activity around a large ritual complex in Late Bronze Age Mongolia // *Antiquity*. 2019. Vol. 93. P. 80–98.

Chariot in the culture of the Bronze Age population of Central Mongolia (on materials from the Khoyd Tamir river valley)

Y. N. Esin, J. Magail, J. Gantulga, C. Yeruul-Erdene

Systematic analysis of the chariot image (Fig. 2; 3), its parts (Fig. 9; 11), and attributes of charioteers (Fig. 10) in the context of rock art styles (Fig. 5; 6; 8) and burial traditions dynamics based on radiocarbon dates of burials and ritual structures made it possible to distinguish two stages of chariots' usage here: (1) cultural complex of Sagsai-type burials (Fig. 7); (2) cultural complex of khirigsuurs and deer stones. The study of the same images in the context of visual composi-

tions allowed us to reconstruct its role in the life and beliefs of herders. On deer stones, a charioteer's attributes (belt plates with a pair of hooks) are always adjacent to individual sets of weapons, which indicates the use of chariots by warriors. At the same time, the pragmatics of the images of the chariot and chariot team of both periods is connected with funeral and memorial rites and ideas about the posthumous path to the other world.